

мас. № 97

Приложение къ № 1854 „Всем. Илл.“

Мас. № 97.

ОСЕННИЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

II

Ан. П. Чеховъ

Въ литературной дѣятельности г. Чехова можно различить три періода. Первый — когда г. Чеховъ писалъ, въ качествѣ скромнаго сотрудника юмористическихъ листковъ, свои остроумные рассказы, составлявшие впоследствии сборникъ „Новичья рѣка“ и вошедшіе отчасти въ составъ „Пострыхъ рассказовъ“. Отличительная черта этого періода — утрировка изложения, несоразмѣрность отдельныхъ чертъ съ цѣлымъ рассказомъ, вытекавшая, впрочемъ, не изъ неумѣлости автора, а изъ самыхъ требованій формы юмористическихъ рассказовъ, которые должны были въ литературѣ составить подобіе каррикатуръ живописца. Во всякомъ случаѣ большая талантливость и художественность рѣзко бросаются въ глаза уже съ первыхъ рассказовъ г. Чехова, равно какъ и серьезное отношеніе автора къ жизни, хотя и выраженное въ нарочно утрированной формѣ.

Второй періодъ литературной дѣятельности г. Чехова занимаетъ почти всѣ восьмидесятыя годы. Во время него окончательно сложилась литературная репутація г. Чехова, и онъ отразилъ въ своихъ мелкихъ рассказахъ то общее настроеніе вялости, нервности и тоски, которымъ было охвачено все русское общество въ это время. Сборники рассказовъ „Въ сумеркахъ“, „Хмурые люди“, „Рассказы“ и драма „Ивановъ“ написаны въ этотъ періодъ, и именно благодаря имъ г. Чеховъ приобрѣлъ симпатію читателей.

Наконецъ, послѣдній періодъ литературной дѣятельности г. Чехова относится уже къ девяностымъ годамъ. Не ограничиваясь характеристикой общихъ, смутныхъ настроеній, г. Чеховъ старается отразить и подмѣтить чуть начинающіеся

общественныя движенія. Такіе рассказы г. Чехова, какъ „Жена“, „Именины“, „Палата № 6“, какъ будто написаны на темы ученія о непротивленіи злу и служатъ отголоскомъ проповѣди гр. Л. Н. Толстого объ упрощеніи жизни. Такъ, по крайней мѣрѣ, они были поняты обществомъ, и это обстоятельство создало имъ особую извѣстность. Впрочемъ, идейная сторона этихъ послѣднихъ рассказовъ имѣетъ отнюдь не большее значеніе, чѣмъ художественная. Даже напротивъ. Идеи о непротивленіи злу, олицетворяемая докторомъ въ „Палатѣ № 6“, выражена настолько смутно, что въ концѣ концовъ неясно — сочувствуетъ ей авторъ или смѣется надъ ней, считаетъ ли доктора, исповѣдывающаго ее, сумасшедшимъ или здравомыслящимъ, симпатизируетъ ему или нѣтъ. Вообще, для роли учителя жизни у г. Чехова не хватаетъ лиризма, не хватаетъ вѣры и силы чувства. Онъ слишкомъ много художникъ и недостаточно поэтъ, а потому нѣсколько безразлично смотритъ на жизнь.

Раздѣленіе литературной дѣятельности г. Чехова на три періода относится только до выбора сюжетовъ для его рассказовъ. Въ сущности же г. Чеховъ вполне однороденъ. Съ первыхъ и до послѣднихъ своихъ рассказовъ онъ является истиннымъ художникомъ — послѣдователемъ натуралистической школы въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ наблюдаетъ жизнь и отражаетъ ее въ своихъ рассказахъ. Но это отраженіе не есть простая фотографія, не дающая разсматривающему ее болѣе, чѣмъ даетъ самый предметъ, а художественное изображеніе, въ которомъ подмѣчены внутреннія, скрытыя черты предмета, самая сущность его. Искусство подмѣчать эту сущность предмета рельефнѣе всего выразилось у г. Чехова въ его „Пестрыхъ рассказахъ“, потому что въ этихъ послѣднихъ самый процессъ творчества пріоткрытъ — подчеркиваемыя авторомъ черты такъ и остались подчеркнутыми и рѣзкими и не сглажены въ видахъ придапія рисунку большей реальности. „Пестрые рассказы“ г. Чехова играютъ такую же роль въ ряду литературныхъ произведеній, какую играютъ недоконченные эскизы въ ряду художественныхъ произведеній. Въ нихъ не такъ гладко изображено дѣйствіе, и они не производятъ впечатлѣнія картины — зато для глаза художника глубокое наслажденіе подмѣчать въ нихъ, какъ понимаетъ авторъ по вѣрнымъ жестамъ, чертамъ лица и выраженію глазъ внутреннія движенія души и даже самую сущность характеровъ.

Чувство художника вывело г. Чехова на истинную дорогу. Онъ сумѣлъ выйти изъ тяжелаго положенія сотрудника юмористическихъ листковъ, который долженъ насмѣивать свое остроу-

міе и обыкновенно по готовому шаблону научился писать не многіе наши романы для г. Чехова, изъ парствования, бы изложенія г. Чехова очень тяжелое вѣ

Напротивъ, г. Чеховъ повредила г. Чеховъ слишкомъ правды идеи въ новомъ требность обществу отыскать это и произведеній г. Чехова искавшемъ идеальную дѣйствительную

Въ произведеніи на себя уже са крупныя произв и представляютъ сказъ или нѣскол Такая форма пр чайна и вытекае г. Чехова, сколь

Наша жизнь гопріятныхъ усл отдѣльнаго чел тями; интересн ство людей на с на столько рѣзки ники, профессор потому уже гг. рактеры до тог природы, что в Поэтому време то писателями, извѣстныхъ клас составные элеме что и дѣлаетъ н кое впечатлѣніе мы получаемъ о наній, мы найде

любвиныхъ исторій, которыхъ были участниками или свидѣтелями, путевыхъ впечатлѣній, женскихъ образовъ, дѣтскихъ лицъ, непріятныхъ столкновений съ людьми, вечеровъ, проведенныхъ въ гостяхъ, и т. п. Но характерно для жизни нашего времени, что всѣ эти отдѣльные случаи не имѣютъ общей связи и существуютъ каждый какъ бы сами по себѣ. И всѣ такіе элементарныя впечатлѣнія, произведенныя на насъ общею жизнью, нашимъ участіемъ въ ней, мы найдемъ весьма полно и всесторонне изображенными въ разсказахъ г. Чехова.

Г. Чеховъ не единственный писатель небольшихъ разсказовъ. Теперь такихъ писателей много; разсказы — это модная форма беллетристики, выработавшаяся подъ влияніемъ новыхъ условій чтенія литературныхъ произведеній. Но кромѣ г. Чехова можно указать только на Мопассана, какъ на писателя, у котораго мелкіе разсказы не форма, но самая сущность пониманія жизни. Въ самомъ дѣлѣ, любой изъ писателей мелкихъ разсказовъ, г. Черныи у насъ, Киплингъ въ Англіи, пишутъ въ такой формѣ потому, что въ ихъ распоряженіи нѣтъ матеріала для большаго романа. Они пишутъ на темы изъ особаго быта, изъ особой жизни, въ которой есть интересныя черты, любопытныя подробности, стоянія разсказа. Ихъ-то они и сообщаютъ читателю. Черныи и Киплингъ — разсказчики по роду беллетристическаго матеріала, Мопассанъ и г. Чеховъ — по способу пониманія жизни. Въ широкое зрѣніе этихъ двухъ писателей міръ не имѣетъ ничего дѣльнаго, связаннаго — онъ безпорядочное скопленіе случайныхъ моментовъ, жизней, впечатлѣній, оставляющихъ пестрое впечатлѣніе казейдоскона. И вотъ, какъ слѣдствіе такого широкое зрѣніе, и вытекаетъ форма мелкихъ разсказовъ Мопассана и г. Чехова.

Имя Мопассана прогремѣло въ послѣднее время по всему свѣту и по Россіи въ особенности. Всѣмъ понравились яркія краски его разсказовъ и легкость ихъ изложенія. Какъ ни великъ талантъ г. Чехова, въ яркости красокъ онъ нѣсколько уступаетъ Мопассану. Правда, онъ писалъ разсказы изъ русской жизни и природы, и самый сюжетъ требовалъ болѣе густыхъ красокъ. Зато въ смыслѣ идеи, пониманія жизни г. Чеховъ неизмѣримо выше Мопассана. Девять десятыхъ разсказовъ послѣдняго — гривуазные анекдоты, хотя и художественно написанные. Половая (не говоря любовная) отношенія Мопассанъ считалъ довольно важными въ жизни. Въ такой важности этой стороны жизни человѣка позволятельно сомнѣваться даже для женщины; нечего говорить о мужчинѣ. Потому чтеніе сочиненій Мопассана, несмотря на ихъ яркость, иногда надоедаетъ и производитъ однообразное впечатлѣніе. Г. Чеховъ гораздо равнодушнѣе и разностороннѣе представилъ проявленія жизни. И у

него много разсказовъ, посвященныхъ любви, но у него воспроизведены и другія стороны человѣческой жизни, и другія стороны горя, радости и жизни вообще. Описываетъ онъ и утраты, и вражду, и служебныя столкновѣнія, и научныя изслѣдованія, и кражу, разбой, наконецъ просто путевыя впечатлѣнія отъ природы и отъ встрѣтъ. Онъ отзывается и на общественныя событія, вродѣ голода; касается внутреннихъ распорядковъ, общественныхъ учреждений, вродѣ больницъ, и т. д. („Жена“, „Палата № 6“). Другое преимущество г. Чехова надъ Мопассаномъ состоитъ въ томъ, что русскій авторъ видитъ людей, а не животныхъ. Вѣдѣ дѣйствующихъ лицъ Мопассана только животныя — красивыя, если это аристократы, и отвратительныя, если это мужики. Они руководствуются только физиологическими побужденіями и не слерживаются никакими соображеніями высшаго порядка. Совсѣмъ иное у г. Чехова. Въ самыхъ пошлыхъ его герояхъ все-таки есть искра, вызывающая въ нихъ сочувствіе читателя. Женщины г. Чехова отдаются своимъ любовникамъ не съ легкомысліемъ обезьявъ, но послѣ борьбы и тяжелыхъ душевныхъ волненій. Исторію одного такого паденія г. Чеховъ даже озаглавилъ „Несчастье“, тогда какъ на взглядъ французскаго романиста тутъ было бы только веселое приключеніе. Въ другомъ разсказѣ г. Чехова на ту же тему паденія „Страхъ“ героиня падаетъ такъ мотивированно, такъ неизбежно, что она не вызываетъ никакого нравственнаго негодованія въ читателѣ. Въ разсказахъ „Вѣдьма“ и „Бабы“ презрѣнная чувственность героини является опять-таки результатомъ ихъ несчастья, и вообще нигдѣ и никогда у г. Чехова женская честь не разсматривается слегка, какъ какой-то пустякъ, повсюду является она важнымъ жизненнымъ вопросомъ, и преступленіе противъ нея является несчастьемъ и влечетъ за собою глубокія послѣдствія. А вѣдь этимъ отношеніемъ къ своей чести женщина и отличается отъ другихъ самокъ.

Если въ окружающей жизни г. Чеховъ мало видитъ крупныхъ характеровъ и интересныхъ событій — зато онъ прекрасно передаетъ настроеніе общества. Подобно нашимъ поэтамъ *poètes*, посвящающимъ свои поэтическія силы изображенію настроеній, возникающихъ отъ общенія съ природой и людьми въ душѣ поэта, г. Чеховъ посвятилъ свой талантъ изображенію общественнаго настроенія своего времени. Его разсказы открываютъ намъ тайныя стороны души современнаго общества, ея педурги, ея безнадежность, ея апатію. Пусть у него не одинъ герой, а множество, но такъ въ нашъ вѣкъ нѣтъ рѣзко выраженныхъ оригинальныхъ личностей, а всѣ по-

хожи другъ на друга. нѣтъ героевъ, а только толпа, то произведенія г. Чехова дадутъ ключъ къ пониманію этой толпы, къ уразумѣнію настроеній современнаго хмураго человѣка.

Вотъ основныя черты общественной души, извлеченныя изъ разсказовъ г. Чехова.

Прежде всего средній современный человѣкъ отличается болѣзненнымъ, чисто нервнымъ, безпокойствомъ. Это первое безпокойство весьма ярко было выражено еще въ „Пестрыхъ разсказахъ“. Достаточно вспомнить чиновника („Смерть чиновника“), чихнувшего въ театрѣ на лѣсину сидѣвшаго передъ нимъ генерала, какъ этотъ человѣкъ страшно обеспокоился, сталъ натыкать генералу съ извиненіями и наконецъ умереть отъ тревоги. Того же нервнаго типа человѣкъ кондукторъ Подтягинъ („Ну, публика!“), тревожащій соннаго пассажира одинъ разъ, чтобы спросить билетъ, другой разъ, чтобы проведя начальника станціи, доказать пассажиру свое право будить его, а въ третій, чтобы извиниться за чрезвычайное безпокойство. Презвычайно художественно выражено состояніе нервнаго безпокойства въ разсказѣ „Искренній знакъ“, въ которомъ старый чиновникъ не спитъ ночи, стараясь припомнить, въ какихъ случаяхъ въ казенныхъ бумагахъ ставится этотъ знакъ препинанія. Та же безпокойная нервность, замѣривно утрированная въ „Пестрыхъ разсказахъ“, въ постидающихъ получаетъ болѣе реальное выраженіе. Въ „Непріятности“— это исторія доктора, въ горячности побившаго фелдшера и изъ-за собственной нервности раздуваемаго эту въ сущности пустую исторію до прозаичныхъ размѣровъ. Въ „На вѣти“ изображенъ человѣкъ, изъ-за собственной безпокойной нервности ставшій причиною несчастія своего собственнаго и всей семьи, потому что изъ-за внутренней тревоги бросился на всякое дѣло и затѣмъ скоро остывалъ. Героями вышеприведенныхъ разсказовъ г. Чехова, въ которыхъ описывалось ихъ паденіе, тоже были отчасти вслѣдствіе того же внутренняго безпокойства.

Съ этими нервнымъ безпокойствомъ очень много общаго имѣетъ такая же болѣзненная вялость, заставляющая ко всему относиться безстрастно и тупо. Крайній образецъ подобной вялости приведенъ въ „Пестрыхъ разсказахъ“, гдѣ мужикъ („Злоумышленникъ“) отвинчиваетъ гайки отъ рельсовъ, чтобы дѣлать грузила для пивоваровъ. Тутъ эта вялость доходитъ почти до идиотизма. Въ другихъ разсказахъ вялость выражается въ безстрастїи, неумѣиіи отзываться на чужое чувство, ницриятръ въ разсказѣ „Върочка“, гдѣ студентъ, замѣчавшійся лѣтомъ статистикой, не знаетъ, какъ вести себя при прощаніи съ дочерью своего руководителя, объясняющей ему въ любви. Та же вялость выражается въ равнодушіи къ собственнымъ интересамъ

въ рассказѣ „Холодная кровь“, въ которомъ проводникъ быковъ по желѣзной дорогѣ безропотно терпитъ убытки вслѣдствіе безпорядковъ желѣзнодорожной администраціи. Или эта вялость выражается въ хмурости, угрюмости, съ какою почталіонъ въ рассказѣ „Почта“ отказывается говорить съ бѣдующимъ съ нимъ пассажиромъ. Но всего лучше это вялое, покорное судьбѣ, настроеніе выражено въ рассказѣ „Скучная исторія“, описывающемъ послѣдніе дни престарѣлаго профессора, чувствующаго приближеніе смерти, наблюдающаго упадокъ собственныхъ силъ и терпѣливо примиряющагося со всѣмъ этимъ.

Эго общее хмурое, словно, сумеречное настроеніе рассказовъ г. Тихова обуславливается царящею въ нашемъ обществѣ пошлостью и скукой. Отсутствие общественныхъ интересовъ, подавленное, мрачное настроеніе, обусловленное застоємъ и выжидательнымъ настроеніемъ въ нашей внутренней политикѣ, отразились и на отдѣльных лицахъ. Такое настроеніе бываетъ у пассажировъ поѣзда, неизвѣстно по какимъ причинамъ остановившагося среди поля. Тутъ при полной вѣншей незанятости проявляется истинная сущность человѣка, которая всегда есть пошлость. Куда ни обратись, всюду наткнешься на нее. Порою она проявляется въ смѣшныхъ формахъ, какъ, напримѣръ, у учителей, надѣвающихъ на купеческія именины неприслужившія имъ ордена и затѣмъ мучительно скрывающихся другъ отъ друга („Орденъ“), или какъ у чиновниковъ, сдѣлавшихъ собственные игривыя карточки для игры въ вивтъ изъ фотографій чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ („Вивтъ“); иногда же пошлость вырастаетъ до чудовищныхъ, все поглощающихъ, формъ, какъ, напримѣръ, въ рассказахъ „Тишь“, „Именины“, „Палата № 6“, этихъ торжествующихъ пѣсняхъ „василья безсмертной пошлости людской“. При чтеніи ихъ сердце сжимается ужасомъ и холодомъ — до чего все мелко, низко, пошло и какъ эта пошлость все давитъ собою, охватываетъ, поглощаетъ! И поневолѣ въ душу читателя, смотря по темпераменту, прокрадывается или безпокойное нервное чувство, желаніе какъ нибудь, хотя суетливостью, избѣжать этой мощной грязной десницы пошлости, или же вооружиться безстрастію тупостью и вялостью, чтобы равнодушно взирать на торжество низменныхъ элементовъ.

Общественная пошлость еще усугубляется общею русскою бѣдностью, нищетою, вырожденіемъ. Въ рассказѣ „Свирѣль“ Лука бѣдный выражаетъ твердую увѣренность въ измельчаніи всего окружающаго. Въ рассказѣ „Кошмаръ“ — въ лицѣ полунищаго священника мы наглядно видимъ это измельчаніе, оскудѣніе. Рассказъ этотъ — настоящій кошмаръ — такое давящее, гнетущее впечатлѣніе производитъ онъ на читателя. Послѣ него такъ и хочется приснаться, убѣдиться, что не вездѣ, не все

такъ, и такъ же чувствуешь себя слабымъ и безсильнымъ, какъ и герой разсказа, желавшій помочь священнику, доктору и окрестнымъ крестьянамъ и не находившій при этомъ никакихъ средствъ.

Таковы хмурыя, болѣзненные настроенія общественной души послѣ созерцанія современной жизни.

Тяжелое, щемящее чувство, производимое разсказами г. Чехова на читателя, усиливается тѣмъ, что г. Чеховъ, подобно большинству русскихъ художниковъ, не питаетъ особенной любви къ красотѣ. Въ этомъ отношеніи г. Чеховъ имѣетъ сходство съ талантливейшимъ изъ нашихъ художниковъ, г. Рѣпинымъ, картины котораго полны жизни, выраженія, производятъ могучее, неотразимое впечатлѣніе и въ художественномъ смыслѣ высоко прекрасны, но не достаточно красивы. Также некрасивы и разсказы г. Чехова. Не говоря уже объ общемъ колоритѣ его разсказовъ, всегда сѣромъ, смутномъ, очень часто напоминающемъ кошмаръ — точно видишь въ тяжеломъ снѣ все, что пишетъ г. Чеховъ, или по крайней мѣрѣ сквозь густой желтоватосѣрый петербургскій туманъ, — даже подробности разсказовъ всегда мало красивы и мало эстетичны. Правда, сама дѣйствительность крайне неприглядна и сѣра; правда, что изображеніе прозаическихъ подробностей дѣлаетъ разсказы болѣе похожими на жизнь и, на примѣръ, разсказы изъ быта дѣтей г. Чехова исполнѣ правдивы — дѣти въ нихъ не нарядные ангелочки, но и замараны, и жадны, и легкомысленны, и способны выводить взрослыхъ изъ себя кипризами и шалостями, но иногда при страсти къ грубымъ прозаическимъ сравненіямъ и выраженіямъ у г. Чехова только понапрасну оскорбляетъ сколько нибудь изнѣженный слухъ читателя. Что, на примѣръ, сказать о такомъ описаніи барышни: „она формировалась въ граціозное созданіе съ бѣлокурой головкой и большими, какъ копѣйки, задумчивыми глазами“ („Въ сумеркахъ“, стр. 141). Сравненіе глазъ съ копѣйками можетъ быть и точно выражаетъ ихъ величину, но не гармонируетъ ни съ граціей, ни съ задумчивостью. Или описаніе свѣта лампадки: „кладя красное плато на образъ Георгія Побѣдоносца, теплилась лампадка“ („Въ сумеркахъ“, стр. 145). И въ данномъ случаѣ выраженіе и некрасиво, и неточно, такъ какъ розовый свѣтъ лампадки распространяется по крайней мѣрѣ, на весь уголъ, въ которомъ она теплится. „Ильинъ взялъ ея маленькую пухлую руку въ свои объ, помялъ ее и медленно поднесъ къ губамъ“. („Въ сумеркахъ“, стр. 175). Едва ли это граціозное выраженіе страсти. Прозаично описаніе таинственнаго голоса ночной птицы на опуш-

какъ лѣса, такъ загадочно приглашающей углубиться въ сказочную страну: „Ночная птица протяжно и лѣниво произносила въ рошѣ длинный, членораздѣльный звукъ, похожій на фразу: „Ты Ни-ви-ту видѣлъ?“ и тотчасъ же отвѣчала сама себѣ: „Видѣлъ! видѣлъ! видѣлъ!“ („Въ сумеркахъ“, стр. 208). Понять, о чемъ говоритъ г. Чеховъ, сразу можно, но какъ прозаично впечатлѣніе его описанія въ сравненіи съ дѣйствительностью! И такихъ мѣстъ можно найти нѣсколько въ любомъ разсказѣ. Кромѣ такихъ некрасивыхъ сравненій, языкъ г. Чехова изобилуетъ порою просто грубыми словами, въ родѣ „ковырнуть тростью“, „мерзавка“, „бестія“. Фамилии героевъ его разсказовъ не отличаются благозвучностью: Чистоплюй, Червяковъ, Пустыковъ и т. д. Г. Чеховъ охотно описываетъ такіе процессы, какъ рвота, тошнота; говоря о дѣтахъ, дѣлаетъ такіе замѣчанія, какъ „Ему давно уже нужно кое-куда сбѣгать“ („Дѣтвора“) и т. п. Все это, къ сожалѣнію, не служитъ къ украшенію разсказовъ г. Чехова, а между тѣмъ всего этого авторъ отлично могъ бы избѣжать, потому что, не любя красоты, онъ отлично понимаетъ ее и умѣетъ находить тамъ, гдѣ она есть.

Разсказъ „Степь“ г. Чехова — наглядное тому доказательство. Въ этомъ разсказѣ столько чудныхъ степныхъ пейзажей въ различное время дня и ночи, что можно только подивиться, какъ живописцы не пользуются этимъ богатѣйшимъ матеріаломъ степныхъ сюжетовъ. И такое чудное разнообразіе красокъ, оттѣнковъ, полутѣней г. Чеховъ сумѣлъ найти въ черноземной выгорѣлой степи въ концѣ іюля, когда она наиболѣе неприглядна!

Какъ на другой образецъ тонкаго пониманія природы можно указать на описаніе вьюги въ разсказѣ „Вѣдьма“. Завыванія вѣтра, точно борьба двухъ началъ, торжествующаго, сердитаго и побѣжденнаго, жалобнаго, но, злого, производятъ глубочайшее впечатлѣніе. Изъ прозаическихъ описаній вьюги это лучшее, какое намъ попадалось, и выше его мы можемъ поставить только тютчевское стихотвореніе „О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной?“

Художественныя описанія бреда больного чахоткой матроса и затѣмъ его похороны среди океана („Гусевъ“) и т. д.

Такія же художественныя описанія даетъ г. Чеховъ и для наружности своихъ героевъ, и для характеристики ихъ настроеній. Прочтя разсказы г. Чехова, нельзя уже говорить, что не знаешь его героевъ: они дѣлаются знакомыми, съ которыми встрѣчалась и которыхъ знаешь. Другой вопросъ — останешься ли доволенъ такимъ знакомствомъ — все это люди скучные, болѣзненные, пошлые, но въ этомъ уже вина не автора, а самого общества, потому что оно таково.

Особенно влияет въ г. Чеховѣ его самобытность и оригинальность. Онъ не похожъ ни на одного другого писателя. Если въ некоторыхъ разсказахъ его — особенно въ послѣднихъ — и замѣтно влияние гр. Л. Н. Толстого, то, во первыхъ, послѣдній такой колоссъ, что не отозваться на него значило бы выказать художественную нечувствительность, а, во вторыхъ, на сочиненія г. Чехова повлиялъ мыслитель гр. Толстой, а не художникъ, и послѣдніе разсказы г. Чехова представляютъ изъ себя отголоски художника Чехова на мысли моралиста Толстого *). Такимъ образомъ въ русской литературѣ г. Чеховъ стоитъ совершенно особо, примыкая, однако, къ натуралистической школѣ съ гр. Толстымъ во главѣ.

Точно также г. Мопассанъ, съ которымъ у г. Чехова есть нѣчто общее, отнюдь не является учителемъ русскаго писателя. Они только принадлежали къ одной школѣ и имѣли схожую точку зрѣнія на міръ; однако и тутъ, какъ мы видѣли, точка зрѣнія русскаго писателя и человѣчнѣе, и неизмѣримо шире.

Наиболѣе общего съ г. Чеховымъ по темпераменту и характеру имѣетъ не какой либо писатель, а русскій художникъ г. Рѣпинъ. У обоихъ одинаково мощная кисть, и оба любятъ тусклые краски и какъ будто не любятъ красоты.

Пл. Красновъ

*) Исключеніе составляетъ разсказъ „Именины“, написанный совершенно въ стилѣ разсказовъ гр. Л. Н. Толстого, и первая страница „Палаты № 6“. Въ нихъ можно найти цѣлый рядъ выраженій, цѣлкомъ напоминающихъ приемы гр. Л. Н. Толстого.